

Ссылные поляки в Сибири

УДК 94(47).081

С.В. Леончик

Остаться или вернуться на родину? К вопросу об оставшихся после амнистии на территории Енисейской губернии ссыльных польских повстанцах 1863–1864 г.

Аннотация. После многочисленных амнистий ссыльные повстанцы 1863–64 гг. имели право вернуться домой. Однако далеко не все смогли или захотели это сделать. На основании сохранившихся архивных данных, касающихся Енисейской губернии, представлен анализ причин, по которым получившие амнистию польские повстанцы предпочли путь ассимиляции с местным сибирским населением. Примеры дворянских семей Войцеховских и Корженевских в Минусинске, а также Константина Громадзкого в Красноярске, создают яркую картину вклада оставшихся участников Январского восстания 1863–64 гг. в развитие губернии на переломе XIX–XX вв.

Ключевые слова: Политическая ссылка, повстанцы, ссыльные, амнистии, Енисейская губерния, ассимиляция, Полония.

S.V. Leonchik

Stay or return to their homeland? About exiles of January Uprising 1863–1864 year after amnesty in the Yenisei province

Summary: After numerous amnesties, exiled insurgents from 1863 to 1864 r. received the right to return. However, not everyone can or wished to do so. On the basis of archival data

on the Yenisei province have been analyzed the causes of why the Polish insurgents preferred to stay and choose the path of assimilation with the local population Siberian. Examples of noble families Wojciechowskich and Korzeniewskich in Minusinsk and Konstanty Gromadzki in Krasnoyarsk give us a clear picture of the contribution brought to the development of the province by remaining participants of the January Uprising 1863–1864 year. Keywords: The descent of the political rebels, exiles, amnesty, assimilation, Yenisei province, Polonia.

В 1822 году в результате административной реформы М.М. Сперанского была учреждена Енисейская губерния. В период с 1823 по 1851 гг. новая губерния приняла 72 661 ссыльного, из них практически 99 % составлял так называемый «уголовный элемент» и только чуть более 1 % – политические ссыльные [8, с. 53]. Самый южный в губернии Минусинский округ с самого начала своего существования стал местом политической ссылки. Среди первых политических ссыльных были участники декабрьского восстания 1825 г. За ними последовали ссыльные участники польского восстания 1830 г. [1, с. 26–34].

Но, что интересно, эта группа ссыльных не была первой – в период с 1822 по 1833 гг. в Шушенскую волость было сослано 22 поляка, и были это не политические, а уголовные ссыльные*.

Польская ссылка первой половины XIX в. не была столь многочисленной по сравнению со ссылкой участников Январского восстания в Польшу 1863–1864 гг. Из общего числа ссыльных за Урал 18 623 человека на Восточную Сибирь приходилось, согласно официальным данным, 8199 человек. В Енисейскую губернию направленно 3719 человек. Из них в Канский округ – 1457 человек, в Минусинский – 1026, 1236 – в остальные округа**. Однако в Красноярском краевом архиве находятся данные о 4419 человеках – поляках, пребывающих в Енисейской губернии в 1863–1870 гг.***. С чем это связано? Прежде всего с не всегда точным и ясным делением ссыльных на категории высланных на каторгу, проживание (житье), поселение и водворение. В архивных документах часто встречается термин,

---

* АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 324. Л. 3–8

** ГАИО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 79. Л. 82–83.

*** ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 13. Л. 170.

относящийся к определенной группе ссылных поляков – «западнопольский переселенец», акцентируя тем самым якобы не политический характер этого поселения.

Сибирская администрация уже в самом начале ссылки решила определить, кому даровать так называемое «прощение», т. е. амнистию. И в первую очередь, по мнению тобольского губернатора А.И. Деспот-Зеновича, необходимо было возвратить на родину всех детей 15–16 летнего возраста, пришедших в Сибирь без родителей; иностранных подданных; всех женщин, добровольно пришедших за мужьями, в случае смерти последних; а также некоторых женщин из числа не лишенных прав состояния, сосланных без мужей и отличающихся безукоризненным поведением [14, с. 46–47].

В 1866 г. указами Александра II от 16 апреля и 18 октября политические преступники, сосланные на жительство без лишения прав состояния, получили возможность переселяться под надзор полиции в 11 губерний Европейской России. Однако такое переселение не нашло особого отклика среди ссылных поляков. Северин Видавский, сосланный в Красноярск, писал 26 июня 1868 г. сестре Антонине Видавской, проживающей в Новгороде-Волынском: «Ехать не домой, а в Россию не стоит. И те, которые уехали по первому распоряжению, раскаиваются, потому что не дозволено ничем заниматься, а надзор строгий, и жить нечем. Здесь, напротив, свобода большая, и многие до того завелись хозяйством, что и не думают ехать. Одно нас страшит, то, что, пожалуй, совсем оставят тут, если не попросит кто о перемещении, ибо еще в прошлом году мы записаны в казенные крестьяне, хотя никто нас о том не спрашивал»*.

Интересное прошение находится в документах красноярского архива, в этом прошении русская жена по имени Пелагея умоляет власти не переселять ее мужа – ссылного поляка Яна Рожанского в Костромскую губернию**.

Манифест Александра II от 17 мая 1867 г. разрешил возвратиться в Царство Польское сосланным в административном порядке повстанцам привилегированного сословия (исключая лиц духовного звания) при условии положительного поведения. В результате часть ссылных оказалась перед выбором, ехать в

* ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 2 а. Д. 845. Л. 1–1 об.

** ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 731. Л. 1–9

Царство Польское или в губернии Европейской России. Основной проблемой возвращения на родину было то, что амнистированному необходимо было самому оплачивать все расходы, связанные с этим. Недостаток средств удерживал ссыльных в Сибири.

13 мая 1871 г. было объявлено «Всемилоостивейшее повеление», возвращавшее ранее переселенным во внутренние (европейские) губернии прежние права и освобождавшее их от надзора полиции. Эта амнистия касалась прежде всего высланных из Западного края. По амнистии 1873 г. сосланные по политическим делам на каторгу или поселение в период с 1866 по 1871 гг., «обращались» в разряд сосланных «на житье» [5, s. 255–269; 17, s. 301–326].

С середины 70-х годов XIX в. можно отметить возвращение польских ссыльных, высланных на водворение. Первоначально ссылка на водворение считалась бессрочной, и возвращение на родину для этой категории ссыльных могло произойти только в особых случаях, чаще всего исключительных по распоряжению министра внутренних дел. В 1874 г. МВД разрешило политическим ссыльным из непривилегированных сословий, сосланным на водворение в административном порядке, возвращаться на родину при условии одобрительного поведения в месте ссылки. Вернуться могли лишь те, кто имел средства на дорогу. Однако, как свидетельствуют документы, представителей властей не столько интересовало, на какие средства смогут вернуться амнистированные, а то как они устроятся на родине. В первую очередь это касалось желающих вернуться в губернии Западного края. Только после соответствующего запроса, что в той или иной губернии проживают родственники амнистированного, которые имеют собственность и могут его принять, губернские власти выдавали разрешения на выезд. Такая проверка, по всей вероятности, была связана с тем, что часто вернувшиеся повстанцы не очень дружелюбно воспринимались в обществе соотечественников [17, s. 321–326].

В 1885 г. редакция польского журнала «Крај», вышедшего в Петербурге, перевела на польский и напечатала вышедшее ранее в газете «Вольнь» сообщение о том, что вернувшиеся после амнистии поляки горько разочаровались. «Их родственники не таили неприязнь от неожиданного возвращения законных наслед-

ников и постарались их обойти при помощи адвокатов. Многие не получили своего родительского имения и начали они тогда с уважением вспоминать холодную, но добродушную и богатую (!) Сибирь. А некоторые даже решили вернуться обратно» [7, с. 14]

Направление амнистированных повстанцев, происходящих из Литвы в Царство Польское (их называли «литвины») и наоборот («короняже»), приводило к абсолютно нежелательным конфликтам, невозможности найти себе применение в новой среде. Ментально и идеологически поляки из этих двух регионов отличались друг от друга [3, с. 355, 358; 10, с. 257–259].

В 1875 г. было разрешено возвратиться на родину тем участникам восстания, которые были сосланы на водворение по суду после службы в арестантских ротах. Дополнительно амнистия с 1877 г. освобождала осужденных за преступления уже на территории Сибири (в том числе и участников восстания на Кругобайкальской дороге, произошедшего в 1866 г.). Единственно, что удерживало амнистированных – необходимость возвращения взятых пособий и ссуд. Кроме того, в 1876–1878 г. формальной причиной приостановки возвращения амнистированных поляков из Сибири стала Русско-турецкая война. В то же время ссылным полякам в Сибири власти облегчают режим. Им было разрешено свободно передвигаться в масштабах губернии, приписываться к городским сословиям с одновременным освобождением от надзора полиции. Все это дополнительно склоняло поляков остаться в Сибири [14, с. 56–57].

Окончательным манифестом, так называемым «коронационным», стал манифест нового императора Александра III, вышедший 15 мая 1883 г. Единственно этот манифест ограничивал возвращение лиц «особенно опасных для строя». Александр III и Николай I издали еще несколько манифестов в период между 1892 и 1896 гг. Тогда практически все не амнистированные ссылные могли служить на государственной службе, проживать везде, за исключением столиц [5, с. 258]. Однако местная бюрократия часто выдавала такие разрешения не сразу, например Мариану Прухальскому из села Ермаковское разрешение на свободное проживание и освобождение от надзора полиции, но без возврата имущественных прав, было выдано только в 1894 г.*

* АГМ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1536. Л. 49–50

Кроме манифестов об амнистии существовала возможность так называемой индивидуальной амнистии по просьбе ссыльно-го или членов его семьи, как правило, матери или жены.

Феликс Кон, политический ссыльный в Минусинске, член партии «Пролетариат» так описывает встречи с амнистированными повстанцами: «Многие из них воспользовались амнистией 1883 года, вернулись на родину и несколько месяцев спустя, разорившись дотла, возвратились обратно в Сибирь» [9, с. 62].

В архивных источниках можно встретить немало таких примеров. Например: дело Александра Собоциньского «О выдаче паспорта на следование обратно в место ссылки, Енисейскую губернию, так как в Царстве Польском он не мог приискать средства к содержанию себя»*.

Мещанин врач Зигмунт Бродовский, после возвращения на родину, по разрешению варшавского полицмейстера, выехал сначала в Черниговскую, а затем на место прежней ссылки – в Енисейскую губернию. Несмотря на то, что он был уже амнистирован, окружной исправник рекомендовал Степной думе тайную слежку за поведением и действиями поляка**.

Причины, по которым бывшие ссыльные поляки оставались в Сибири, в основном были такие, о которых пишет в своём прошении енисейскому губернатору некий Тетера: «...но так как я завёлся домообзаводством, занялся хлебопашеством и женился, ... то мне и здесь та же Родина. А затем не благоугодно ли будет милости Вашего Высокоблагородия сделать всемилостивейшее распоряжение о оставлении меня на прежнем месте моего причисления»***.

Несмотря на то, что польское национальное начало рассматривалось как тождественное воспитанию в духе истинного католицизма, а создание семьи, в которой одна сторона исповедует православие, разрушало «польский дух» и способствовало «осибирячению», случаи вступления в брак с сибирячками польских ссыльных начались еще в первые годы ссылки, в 1864–1867, а в начале 70-х годов XIX в. стали массовыми, особенно в отдаленной Иркутской губернии [22, с. 484–490].

---

* ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 136

** НАРХ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1. Л. 7

*** ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 43. Л. 56

В Енисейской губернии такие случаи встречались среди выходцев из различных сословий, однако тут стоит заметить, что браки, заключающиеся представителями польской шляхты с местными крестьянками, были недолгими и неудачными. Достаточно серьезными были различия в культуре, традициях и взглядах.

Были и такие случаи, когда вместе с ссылкой поляком приезжала и его семья. Так, например, Ян Романовский, шляхтич Волынской губернии, был выслан вместе с женой и четырьмя детьми. Вначале их водворили в деревню Березовка в Тесинской волости, а в 1883 г. – в Абаканскую волость. В центре волости, в селе Абаканском, семья построила дом. Сын Яна Романовского – Юзеф, стал революционером и неоднократно встречался с В.И. Лениным во время его ссылки [20, с. 2].

Следует отметить, что немалое значение в среде «привилегированных» ссылных поляков имела возможность профессионально реализовать себя в новых условиях жизни. И в этом отношении медицинская деятельность поляков представляла собой оптимальный вариант сочетания интересов поднадзорных, властей и местного населения. В результате ссылные-медики в большинстве своём довольно удачно обустраивались в Сибири. Но, в отличие от других профессий, процесс интеграции ссылных поляков-медиков в сибирское общество не предусматривался и, как правило, реально не сопровождался аккультурацией. Напротив, поляки-медики, реализуя свою «просвещенческую миссию» среди сибирского народа, по большей мере сохраняли этническую идентификацию. Полякам врачам доставались и более состоятельные невесты. К примеру, фельдшер Желтовский был женат на дочери дворянина Маляновского [19, с. 105–108], врач М. Данилович женился на мещанке Филиппине Плавицкой*. Органично вписавшись в социокультурную реальность Сибири, польские медики не спешили с отъездом.

Проводимые мною в течение последних 25 лет исследования и составленная в 2005 г. картотека поляков в Минусинском округе (на основании архивных документов архива города Минусинска), свидетельствуют, что больше всего браков с местными женщинами в период проходивших амнистий, т. е. до 1883 г. были заключены в Шушенской волости – 10, а меньше

* AZGZS, ANW, Wspomnienia s. 11–12

в Тесинской – два. Такую разницу можно объяснить тем, что Шушенская волость была более благоприятной по климату и пригодной для обработки земли.

Также из данного исследования следует, что данные браки были заключены в основном польскими крестьянами с местными сибирскими крестьянками. Например, Адам Барановский из села Ермаковское взял в жены крестьянку вдову Е. Васильеву. Было ему тогда 25 лет. А в 1873 г. Ян Гонсарт из этого же села взял в жены О. Васильеву – скорее всего, сестру Е. Васильевой. Михал Василевский женился на дочери солдата – Н. Федоровой*.

Браки «непривилегированных» были одной из основных форм ассимиляции ссыльных из крестьян. Даже если ссыльные крестьяне долгое время не женились, то все равно они достаточно быстро ассимилировались с местным населением, особенно это было связано с довольно молодым возрастом ссыльных. Многие из них, а в первую очередь высланные с территорий Литвы, Жмуди и Белоруссии (а именно они составляли большую часть высылаемых на водворение), не имели ярко выраженного польского национального самосознания.

Таким примером может быть судьба Якуба Кайревича – крестьянина Трокской волости Виленской губернии. Он добровольно покинул повстанческий отряд, но несмотря на это не получил так называемого «поручительства» и был выслан в Псков, где по решению от 26 апреля 1866 г. был выслан в Шушенское Енисейской губернии. Было ему тогда 24 года. Сначала он работал в качестве работника на заводе в Идже, а затем решил заняться земледелием. Тут стоит отметить, что в одиночку заниматься земледельческим трудом было затруднительно. Первоначально польские ссыльные пытались сообща обрабатывать землю, особенно в Минусинском округе удавалось полякам выращивание и производство табака. Однако для эффективной работы на земле семья была необходимым условием и не случайно Якуб Кайревич берет в жены крестьянку из Средней Шуши – Пелагею Захарову. В Шушенском он покупает небольшой дом, затем в 1899 г. его перестраивает – добавляет еще один этаж. В настоящее время этот дом находится на своем месте и является частью экспозиции историко-этнографического музея-заповед-

---

* Данные на основании картотеки польских ссыльных: АГМ. Ф. 36, 42

ника «Шушенское». Неоднократно на базе этого дома проводились мероприятия и выставки, посвященные польским политическим ссыльным, демонстрировались предметы по этой теме из богатых фондов музея. Потомки Якуба Кайревича до сих пор проживают в поселке Шушенское Красноярского края [6, с. 28].

В описываемой группе есть и случаи, когда заключались чисто польские, с этнической точки зрения, браки. Викентий Менжицкий, проживающий в Шушенском, взял в жены сестру своего товарища Павла Семяцкого. Сестра добровольно приехала в ссылку к брату.

В конце XIX – начале XX в., когда на территорию Енисейской губернии стали добровольно прибывать польские переселенцы не только с западных губерний империи, но и из Царства Польского, можно отметить такое явление, как заключение браков «водворенных» повстанцев с поляками из «добровольцев». Таким примером является брак Юзефа Гольбы из деревни Мигна Шушенской волости. Ссылный был водворен в Шушенскую волость в 1866 г. в возрасте 20 лет и только в возрасте 60 лет он женился на В. Вишневской. Ян Пухальский, тоже примерно в таком же возрасте женится на дочери переселенца А. Коханского из села Курагино*.

Довольно интересным случаем «осибирячивания» польского ссыльного является пример Константина Громадзкого. Громадзкий был родом из дворян Волынской губернии Ковельского уезда. Родился 27 сентября 1843 года, «крещён в римско-католической вере»**. Воспитывался в Луцком дворянском училище, но полного курса наук не окончил, был вольнопрактикующим землемером***. В начале 1863 года принял участие в восстании против царского самодержавия, и 8 января 1864 года «...за участие в мятежнической шайке Громадзкий по конфирмации командующего войсками Киевского военного округа лишён всех прав состояния и сослан на поселение в отдалённые места Сибири»****.

Первые годы находился под гласным надзором полиции как политический преступник. Жил самостоятельно на небольшое

* Данные на основании картотеки польских ссыльных: АГМ. Ф. 36, 42

** ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 671. Л. 6 об.

*** Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 419. Л. 26

**** Там же. Ф. 595. Оп. 63. Д. 671. Л. 6 об.

пособие. Занимался дополнительным трудом, в частности, «переплётным мастерством»^{*}. Будучи молодым человеком, как большинство его сотоварищей, Громадзский уже через год, 13 ноября 1866 г., обвенчался с крестьянской дочерью Феодорой Феодоровой Ивановой из деревни Налобиной, 19 лет, православного вероисповедания. В 1867 г. был причислен к крестьянам этой деревни и стал заниматься крестьянским трудом.

Но через шесть лет первая жена Громадзского умерла «от боли в животе»^{**}. Вторично Константин женился спустя почти полтора года, 10 ноября 1873 г. В 27 лет обвенчался с «поселенческой дочерью» той же деревни Налобиной Зиновией Дмитриевой Михайловой, православного вероисповедания, 20 лет. В этом браке при венчании от Громадзского была взята подписка: «Нижеподписавшийся политический преступник Константин Громадзский, римско-католического вероисповедания, сим удостоверяю, что вступаю в брак ... в воспитании обоего пола детей от сего брака, буду поступать согласно с законом Государства Российского, т. е. буду крестить и воспитывать их в православной вере»^{***}. Важная подробность из жизни Громадзского, как и многих поляков, женившихся в Сибири на православных. Но при этом ссыльные поляки, как правило, свое вероисповедание не меняли.

Громадзский, в связи с полученным разрешением остаться, в 1873 г. переехал с семьёй в Красноярск, где у его жены был свой дом. В 1874 г. он подал прошение о дозволении ему вступить в государственную службу. Обосновывая это прошение, Громадзский выражал «раскаяние в преступлении, за которое подвергся ссылке». Объяснял, «что он совершил оное, имея 19 лет от роду»^{****}. По тому факту, что Громадзскому в 1863 г. «действительно не было 20 лет и, следовательно, на него ещё в 1868 году должно бы быть распространено действие п. 5 Всемилощивейшего Повеления Императора дарованием ему прощения с освобождением от надзора полиции»^{*****}.

Но полицейские власти Енисейской губернии не спешили с проверкой сведений о ссыльных, и не торопились исполнять это

* ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 287. Л. 56

** Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 419. Л. 27

*** Там же. Л. 55

**** Там же. Ф. 595. Оп. 63. Д. 671. Л. 16.

***** Там же. Л. 16 об.

монаршее распоряжение. Только 5 ноября 1875 г., через год после подачи прошения о службе, Громадзкому было сообщено о разрешении немедленно применить к нему высочайшее повеление Закона от 17 мая 1871 г., пункт 1: помилование, как осуждённому несовершеннолетним, восстановление в прежних правах состояния, прощение со снятием полицейского надзора и разрешение на поступление в государственную службу*. Прощение Громадзкому было даровано только через шесть лет, да и то, по инициативе самого ссылного.

Воспользовавшись разрешением, он в возрасте 33 лет начал служебную карьеру в Енисейской губернии и 29 апреля 1877 г. был зачислен в штат Красноярского окружного полицейского управления, в число канцелярских служащих 1-го разряда. А 10 января 1880 года Громадзкий был переведён в штат Красноярского городского полицейского управления. По иронии судьбы он, бывший «политический преступник», заведовал Красноярскою пересыльною тюрьмою до 1883 г.

В начале 1884 г. он был назначен исполняющим должность смотрителя Канского тюремного замка и в июле того же года утверждён в этой должности.

Жизнь Константина Иосифовича и его семьи вновь надолго оказалась связана с г. Канском и Канским округом. По состоянию здоровья, в ноябре 1888 г., в возрасте 45 лет, он ушёл в отставку**.

Выйдя в отставку, Константин Иосифович решил всерьёз заняться земледелием. В 1889 г. подал прошение в Енисейскую казённую палату об аренде земли в таёжной местности. И уже в 1893 г. принял участие во всемирной сельскохозяйственной выставке, которая была посвящена 400-летию открытия Америки Христофором Колумбом и проводилась в Чикаго, в США. Выставку называли Колумбовой или Юбилейной. Губернатор Теляковский, который возглавлял Красноярскую подкомиссию по подготовке Чикагской выставки, обратился к известным земледельцам Енисейской губернии с просьбой «оказать личное содействие успешному исполнению в столь полезном деле, как участие Енисейской губернии в названной выставке»***.

* ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 671. Л. 17

** Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 419. Л. 26

*** Там же. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4152. Л. 16

Громадзский принял участие и за представленные образцы ржи был награждён высшей наградой выставки: бронзовой медалью и Дипломом к ней*. О последних годах жизни Громадзского нам практически ничего не известно. Но на карте Сибири остался его след. На Красноярском участке Сибирской железнодорожной магистрали, ведущей на Восток, есть станция, которая носит название – Громадская. Там же находится и посёлок Громадск Уярского района. Бесспорно, своё название они получили от фамилии владельца заимки, когда-то успешно занимавшегося земледелием, призёра Колумбовой выставки Константина Громадзского. В исторической справке о муниципальном образовании Громадский сельсовет, составленной по материалам местного краеведа Г. Мосунова, отмечено, что посёлок и станция получили своё название именно в честь бывшего польского ссыльного и его заимки [23].

Стоит также отметить, что особой формой ассимиляции был прием польских ссыльных в сибирские семьи, такая своеобразная адопция или усыновление, чаще всего к такому прибегали бездетные супруги, желавшие одновременно помочь молодому ссыльному, а также получить себе работника, создав ему все условия для безбедной жизни. Эти случаи нашли свое отражение в польских мемуарах [24, s. 100].

Не все ссыльные смогли воспользоваться амнистией и прежде всего по такой причине как преждевременная смерть. До 1883 г. в Шушенской волости Минусинского округа зафиксирован 31 случай смертей среди польских ссыльных, в Тесинской волости только 9. Основная причина – болезни, часто в документах имеется приписка: «Умер в городской больнице г. Минусинска»**. Частым диагнозом был туберкулез легких или, как тогда писали, «чахотка». Нередко ссыльные «приносили» эти болезни после тяжелой дороги по этапам. Как, например, Нарциз Войцеховский. В дневнике дочери Марии Корженевской-Войцеховской есть фрагмент, в котором автор вспоминает о своем отце следующее: «Дорога была тяжелая, страшная. Отец пришел в Сибирь больным. Как потом вспоминал, не верили, что он вы-

* ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4152 .Л. 162; Отчёт Генерального комиссара Русского отдела Всемирной выставки в Чикаго А.И. Глуховского. Санкт-Петербург. 1895, с. 184

** АГМ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1536. Л. 49–50

живет, так как уже развивался у него туберкулез легких. Но сильный организм в условиях хорошего питания, так как в деревне все было дешево, дали возможность выздороветь. Остался только след в виде хронического насморка, который особенно тяжелый был зимой, меньше летом. Отец всегда использовал большие платки, и как мне казалось, головные платки*.

Архивные документы отмечают и случаи убийств, например, убийство Якуба Зелинского из села Субботино Шушенской волости**.

В большинстве случаев в примечаниях об умерших польских ссыльных значится «похоронен по римско-католическому обряду».

22 сентября 1881 г. политические ссыльные с. Сагайского Минусинского округа Тесинской волости Казимир Соломон Нарбут, Людвиг Яблонский, Осип Савицкий, с. Верхнего Кужебара Петр Очаковский и с. Имисского Северин Зарачанский представили подписку минусинскому окружному исправнику: «... Состоящий на причислении по с. Сагайскому западнопольский переселенец Ипполит Августовский после продолжительной болезни 14 числа сего месяца умер, и по обряду римско-католической церкви без присутствия притча православной церкви был предан земле, в чем и подписуемся лично»

Однако местная власть приняла массовое участие ссыльных и не только поляков в похоронах Ипполита Августовского в селе Сагайском за своеобразную патриотическую манифестацию***.

В Минусинске поляков хоронили в отдельной части Минусинского городского кладбища, до настоящего времени сохранились польские памятники и захоронения с начала XX века (19, с. 320).

Заметный вклад в развитие юга Енисейской губернии внесли две семьи, основанные польскими ссыльными повстанцами – семьи Войцеховских и Корженевских. Истории этих семей на протяжении более полувека можно проследить по многочисленным документам. Прежде всего, это богатейшая коллекция корреспонденции между членами этих двух родственных семей на русском и польском языках, которая хранится отдель-

* AZGZS, AHW, Wspomnienia, s.10

** АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

*** Там же. Л. 5

ным фондом в МКУ «Архив города Минусинска». Воспоминания о жизни в Минусинске М. Wojciechowska-Korzeniowska, *Wspomnienia*» (Мария Корженевская-Войцеховская «Воспоминания») в Архиве Союза Сибиряков РП в г. Варшаве; Нарциз Войцеховский «Мои воспоминания» (на пол. яз.) – в архиве Минусинского регионального краеведческого музея. Кроме того, с документами семьи Войцеховских, Корженевских и Андроновских можно ознакомиться в специальном фонде Галины Войцеховской (Archiwum Haliny Wojciechowskiej), находящемся в архиве Союза Сибиряков РП в Варшаве. Документы о Войцеховских и Корженевских можно встретить в Государственном архиве Красноярского края, в Томском областном госархиве, а также и в Иркутском областном госархиве [12, с. 231–233].

Нарциз Войцеховский родился в 1846 г. в г. Сероцке, в настоящее время это небольшой городок по дороге из Варшавы в Пултуск. Его родителями были Юзеф Войцеховский и Валерия Дорант. В семье кроме него были два брата и сестра. Брат Станислав был ранен в восстании 1863 г. и скончался в российской тюрьме.

Юзеф Войцеховский был мелкопоместным дворянином, но дворянство это не было утверждено герольдией. «От мамы я знаю, – писал в своих воспоминаниях Н. Войцеховский, – о том, что она настаивала, чтобы отец получил удостоверение герольдии (о дворянстве) по бумагам своего отца, а возможно и какую-нибудь собственность своих предков. Отец постоянно отговаривался, ссылаясь на то, что если его отец этого не сделал, то, видимо, так было нужно, видимо он не хотел, чтобы его дети не имели шляхетское достоинство, а были шляхтичами по поступкам, делам своим, по образу жизни*».

Юзеф Войцеховский получили хорошее по тем временам образование. Он учился в Ловиче, в монастыре у иезуитов, затем обучался четыре года искусству пивовара, работал по специальности в имении бывшего полковника польских войск Романа Доранта. Изучил инженерное искусство, садоводство, пчеловодство. Женился на воспитаннице полковника Валерии Заборовской. Купил 30 моргов земли, завёл собственное хозяйство, но разорился. На остатки денег купил дом в Сероцке и до конца жизни занимался винокурением.

* АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Л. 13–13 об.

Мать Нарциза Войцеховского Валерия Заборовская (Дорант) была дочерью участника восстания 1830–1831 гг. капитана Заборовского, погибшего под Гороховом. Умирая, капитан просил своего друга полковника Доранта, позаботиться о его вдове и детях, если тот останется жив. После поражения в восстании, полковник Дорант не забыл просьбы своего товарища по оружию и о данном ему обещании. Он нашёл вдову капитана, рассказал ей о гибели мужа, и предложил опеку над детьми. Вдова согласилась отдать только дочку Валерию, сына же взяла с собой и уехала во Францию, т. к. была французской подданной. Валерия вышла замуж за Юзефа Войцеховского – отца Нарциза в неполные 17 лет, в конце 1840 или начале 1841 г.

Родители хотели выучить Нарциза на ксёндза, но из-за отсутствия средств не смогли. Дядя забрал его в Варшаву и там с 13 лет он стал учиться на органиста. В 1862 г. он закончил учёбу, и сразу был принят учителем в начальную школу в Еленках. В январе 1863 г. вспыхнуло восстание. Нарциз вступил в отряд Мыстковского. Этот отряд после нескольких мелких столкновений с русскими войсками под угрозой полного уничтожения был распущен. Нарциз вернулся к родителям, а через некоторое время, в апреле выехал в Варшавскую губернию, где стал работать учителем в школе и органистом в станиславовском костеле. Оказывал активную помощь повстанцам. После поражения восстания помогал им перебираться через границу. Двоих из них поймали, и найденные у них документы, скомпрометировали Войцеховского. После 9 месяцев заключения в Варшавской цитадели его выслали в Сибирь «на жительство с лишением всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ в менее отдаленные места Восточной Сибири» – как было сказано в конфирмации наместника, объявленной в день высылки 11 октября 1866 г.*

В письме к родителям он пишет: «Приговор со спешкой приведен в исполнение, и поэтому мы выезжаем. Прощение на имя наместника комиссия писать не позволила, так как говорит, что этого не практикует. Ничего удивительного, что спастись они не позволяют. Для них только унижать, мучить, морить хлебом и водой, отбирать человеческое достоинство битьем, писать

---

* АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Л. 1–1 об.

фальшивые протоколы и заставляя их подписывать – это они умеют»*.

Дорога к месту ссылки для Нарциза Войцеховского проходила в кандалах по этапам: Петербург (тюрьма Литовский замок), Москва (тюрьма Калымажный двор), Казань (на барже под палубой), Пермь (на подводах). Из Перми, где ссыльные долгое время находились в камере с уголовниками, путь проходил пешком в кайданках и прикованными цепями к телеге до Тобольска. Самым тяжелым был этап из Тобольска в Каинск в сильные морозы без теплой одежды. Из Каинска, вместе с 300 политическими ссыльными, Нарциз Войцеховский прибыл в Томск, откуда на подводах их доставили в Красноярск.

В Красноярске впервые полякам разрешено было ходить без конвоя и здесь они были отделены от уголовных ссыльных. Из группы в 11 товарищей в Красноярск пришли только Нарциз и его друг Матеуш Пшепюлковский. Остальные остались на этапах, в больницах. Изначально местом пребывания Нарциза Войцеховского должна была стать расположенная на севере от Красноярска на Ангаре Кежда. Однако благодаря помощи поляка Шимона Гоштотва, который исполнял функцию смотрителя поселений, его направили в село Сагайское около Минусинска, что в 400 километрах от Красноярска на юг.

27 апреля 1867 г. в арестантском халате, с 40 копейками в кармане прибыл Войцеховский в Сагайское, где уже проживали 40 польских ссыльных.

Первую работу Нарциз Войцеховский находит в Каратузском. В этом казацком селе также проживала большая польская колония. Поляки работали в качестве гувернеров, секретарей, экономов. Врачом в селе был Даниловский, а фельдшером – Суликовский.

После первого заработка – 30 рублей, – Войцеховский снимает вместе с другом М. Пшепюлковским комнату, они начинают свое первое совместное предприятие – изготовление папирос. Активно занимались охотой на зайцев, уток, тетеревов и куропаток. С другим ссыльным – Франтишком Киньским, открыли производство конопляного масла. Из конопляных прутьев ссыльный по имени Фредерик изготовлял веревки, которые продавали золотопромышленникам в Каратузском. Войцехов-

---

* АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Л. 8

ский и Пшепурковский занимались сельским хозяйством: сеяли овес, рожь, пшеницу, косили сено для своих коней.

В 1869 г. в связи с катастрофическим неурожаем Нарциз Войцеховский бросает занятия земледелием и ищет новой работы. Благодаря рекомендации поляка Юзефа Врублевского в 1870 г. Войцеховский стал помощником волостного писаря в 4-х деревнях в околицах Кочергино. Затем он получает предложение от хозяина паровой мельницы Серафима Гусева и становится там управляющим с вознаграждением 25 рублей в месяц. Работа была очень тяжелой – 21 час в сутки. Однако именно с этого времени можно говорить о начале жизненной и предпринимательской карьеры Войцеховского.

В начале 1876 г. Войцеховский переезжает в Минусинск, где работает в магазине Яна Прендовского. В этом же году Прендовский продает магазин Владиславу Корженевскому. Корженевский был женат на Лидии из рода Шерцингер. Благодаря жене Корженевского, Войцеховский познакомился с ее сестрой – Эммой (1858 г. рождения). Их бурный роман, который можно проследить по оставшимся письмам, привел в 1877 г. к их бракосочетанию. Венчались молодые супруги в Томском костёле. Отец Лидии и Эммы – Ян Шерцингер переселился в г. Томск из Германии, из Великого княжества Баден, провинции Шварцвальд, и получил от дяди Фогта, который умер, бездетным, богатое наследство. Он вместе со своими братьями продолжил торговлю часами, открыл магазин бижутерии. Женится в Златоусте на Якобине Шварте, немке, как и он римско-католического вероисповедания.

После женитьбы материальное положение Нарциза Войцеховского, еще ссылного, значительно улучшается. Войцеховский был управляющим на предприятии Гусева – вино-водочном заводе, заводах по изготовлению стекла и соды – крупнейшей в то время фирме в Енисейской губернии.

Совместно с ссылным Желтковским Нарциз Войцеховский также открыл мыловаренный завод, где производством заведовал инженер Александр Венцовский. После ликвидации этого завода в 1880 г. с новым компаньоном Станиславом Гутовским Войцеховский начал поиски золота в Ирбинском крае на грани-

це с Тувой. Кроме того, он входит в пай с Александром Скочинским в соляное дело на Абаканских соляных озерах*.

После дарованной ему амнистии 1883 г., несмотря на желание вернуться в Польшу, Войцеховский решает пока остаться в Минусинске.

Нарциз Войцеховский стремился устроить быт своей семьи. В 1888 г. он приобретает дом в Минусинске из шести комнат, который располагался рядом с торговой площадью. Усадьба дома включала обширный двор, где располагался дом, амбары, конюшни, каретные сараи, рядом с домом находилось служебное помещение – соляной склад. Дом окружал большой сад, который одной стороной примыкал к усадьбе и огород. Снаружи усадьба была обнесена высоким забором.

Производственные нужды заставляли купцов приобретать дома за пределами города. Так, Войцеховский имел дом на солеваренном заводе в 50 верстах от Минусинска. Зимой там жил управляющий и время от времени навещался хозяин солеваренного завода, а летом дом служил дачей, куда на отдых приезжала вся семья.

В этом же году, после смерти своего брата Кароля и сестры Эмили, Нарциз привёз из Сероцка в Царстве Польском родителей к себе в Минусинск, чтобы «дать им достойный отдых от их тяжёлого морального состояния и обеспечить спокойную жизнь».

«Мама прожила у нас 16 лет, – писал Нарциз Осипович, – умерла в декабре 1904 г. и была похоронена в Красноярске. Отец пережил её на 4 года и был похоронен на кладбище в Минусинске. Он прожил с нами 20 лет и умер в 1908 г. в октябре, в 91 год»**.

В 80-х – начале 90-х гг. XIX в. родственные семьи Войцеховских, Корженевских и Андроновских составляли ядро минусинской польской диаспоры. Важную роль играла также семья доктора Даниловича и польская группа в музее Николая Мартьянова [11, с. 22].

По инициативе Войцеховского в его доме была устроена католическая часовня, в которой несколько раз в году происходили богослужения с участием приходского священника Франчишка

---

* АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Л. 14

** Там же. Л. 4

Скобейки из Красноярска. В 1871 г. в самом Красноярске было 4269 прихожан, а за пределами города – 1385 [13, с. 55–56].

Жил священник в польских семьях и несколько дней проводил службы: крестил, венчал и отпевал, посещая могилы умерших на неправославной части минусинского городского кладбища.

Поляки, проживавшие в Минусинске, старались дать свои детям образование. Кроме обучения в школе, в домах учили детей родному польскому языку. Жизнь в российской глубинке, потребности широкого общения привели к тому, что в семье польского ссыльного и дочери из немецкой купеческой семьи говорили по-русски.

«Мама плохо говорила по по-польски, но свободно читала и всё понимала, а говорить ей было трудно, потому что она плохо слышала. Кроме того, наша прислуга, знакомые и друзья говорили исключительно по-русски. Я помню, как радовался отец, когда приезжал кто-то из Польши, и он мог говорить на языке, о котором тосковал»*.

В Минусинске долгое время не открывалась гимназия, и поэтому семьи Даниловичей, Корженевских и Войцеховских выехали в Красноярск. У Войцеховских рождаются сын Леон (1899 г.) и Станислав (умер в 1906 г.). Во время пребывания семьи в Красноярске их «золотой интерес», а именно соледобывающие шахты, находился далеко от Красноярска. Летом вся семья на пароходе три дня плыла до Минусинска, а оттуда – на солёное озеро Кызыл-Куль, до солеваренного завода**.

В Красноярске Нарциз Войцеховский сблизился с многочисленными представителями Полонии и стал активным общественным деятелем. Он выделил финансовую помощь на строительство в Красноярске нового римско-католического костела в неоготическом стиле. Войцеховский исполнял обязанности председателя Совета съездов золотопромышленников. Казначейская палата избрала его членом отдела по налогам. В 1906 г. он был докладчиком на собраниях по избранию в первую Государственную Думу. Во время революционных событий 1905 г. был делегатом в комитете по спасению 800 бастующих членов

* AZGZS, АНВ, Wspomnienia, s.19

** АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Л. 19

паровозного цеха. Войцеховский был членом комиссии, которая отстаивала права уволенных забастовщиков.

Не оставляла Войцеховского и мысль о возвращении на родину. «Всегда, всегда, как во время наибольшего успеха в делах, так и после испытанных неудач и руины, не покидала меня мысль о возвращении на родину, в любимую Польшу»*.

В 1911 г. семья решила выехать на родину. Соляной бизнес был оставлен сыновьям как фирма «Торговый дом Н. Войцеховский и сыновья». Войцеховские выехали с 17-летней дочерью Марией, 16-летней Михалиной и 12-летним Леоном. Дорога длилась 9 дней.

В своих воспоминаниях Мария Войцеховская пишет: «Волнение отца было огромным. Всегда важный, державший себя в руках – сейчас, после пересечения границы, не мог он скрыть своего волнения. Его радовало все – виды из окна, разговоры в вагоне на родном языке и даже толпы людей при приближении к Варшаве»[2, с. 23].

Войцеховские планировали осесть в Варшаве или Люблине. Однако приближающаяся война с Германией и опасения потери денег, привезенных из Сибири, а также дальнейшее обучение сына Леона вынудило их вернуться в Москву. Он считал, что лучшее образование, чем в Москве, его сын нигде не получит. В это время его сын Болеслав учился в московской консерватории. В 1913 г. Войцеховский последний раз посетил Варшаву, где на праздновании 50-летия восстания, встретился со своими друзьями по оружию.

Первая мировая война отрезала Войцеховских от Польши. В 1916 г. Нарциз в возрасте 70 лет перенес тяжелую операцию и начал писать свои воспоминания. «Я мало жил в Польше, мало вообще знаю мир, кроме Сибири, но из того, о чем я слышал и читал, делаю вывод, что перипетии, какие я пережил, и результаты, каких я достиг, возможны, вероятно, только в Сибири»**.

Революция 1917 г. и тяжёлое состояние здоровья вынудили Войцеховского с женой и сыном Леоном выехать в Сибирь, в Томск. Будучи в Томске, Войцеховский был председателем Польского народного комитета. Выезжал он и в свой родной Минусинск, где выступая на собраниях городского совета, при-

---

* АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Л. 16

** Там же. Л. 15

зывал к единству, подчеркивая, что только единение и совместная работа принесут спасение России и Сибири.

Нарциз Войцеховский скончался 13 декабря 1919 г. в Томске. В сибирской газете «Труд» вышел некролог Ивана Чибишева, в котором подчеркивается большой вклад Войцеховского в развитие Сибири, его поддержка в создании сибирского университета, высших женских курсов. «С каким нетерпением он ждал освобождения всего русского народа и как горячо верил в светлое будущее России и Сибири»*.

О судьбах семей поляков – потомков ссыльных 1863–1864 гг., оставшихся после амнистии в Сибири, можно узнать из издаваемых в последние 25 лет материалов научно-практических конференций в Красноярске, Томске, Иркутске и Омске. Большое значение в описании сибирских биографий польских повстанцев играет регулярно выходящее в г. Абакане с 1997 г. ежеквартальное издание «Rodacy-Соотечественники» – орган ФПНКА «Конгресс поляков в России». Двухязычное научно-популярное издание публикует семейные воспоминания, интервью с потомками ссыльных. Благодаря этому журналу читатели узнали, что большинство культурно-национальных объединений поляков в Сибири, так называемые «Полонии» (Полония – поляки и их потомки, проживающие за границей Польши), возникли в начале 90-х годов XX в. именно благодаря потомкам ссыльных повстанцев 1863–64 гг. [16, с. 381–384]. Например, Изольда Новоселова, внучка Станислава Войцеха Коперского была одной из возрождавших в 1991 г. общество «Огниво» в г. Иркутске [15, с. 28–29]. Правнучка Игнатия Шумиляса – Ольга Темерова из Минусинска, основала в 1999 г. региональную красноярскую культурно-национальную общественную организацию «Полония Минусинска» [21, с. 24–26]. Все эти факты свидетельствуют, что польские ссыльные, оставшиеся на Сибирской земле, внесли свой немалый вклад в развитие экономики, культуры и просвещения, а их потомки, помня о своих корнях, возрождают польские национальные традиции и язык.

Список источников и литературы

1. Ватин-Быстрианский В.А. Политическая ссылка в Минусинске. (Декабристы. Польские повстанцы.)// Ежегодник Государственного Музея имени Н. М. Мартыанова в г. Минусинске. – 1925. - Т. III. Выпуск II.

* АМКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 227. Некролог из газеты «Труд»

2. Wojciechowska M., Radosne wspomnienie// Stolica. - 1962. - №42.
3. Janik M. Dzieje Polaków na Syberji: z 23 ilustracjami/ Michał Janik; [posł. Napisali Antoni Kuczyński i Zbigniew Wójcik]. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1991
4. Католический некрополь города Томска (1841-1919 гг.)/ Сост.: В.А. Ханевич, А. Г. Караваева. Томск – 2001.
5. Kaczyńska E. Syberia:największe więzienie świata (1815–1914). – Warszawa, Warszawska oficyna wydawnicza „Gryf”, 1991.
6. Kikilowa T., Los Jakuba Karewicza – zesłańca powstania styczniowego// Rodacy. - 2003. - № 3 (23).
7. «Kraj». 1885. №50.
8. Комарова Т. С. «Наивеличайшая между всеми в Российской империи» К 190-летию образования Енисейской губернии. – Красноярск 2012 с. 53.
9. Кон Ф. Указ. Соч. – М., 1931. – Т. I: В рядах «Пролетариата»...
10. Librowicz Z. Polacy w Syberji/przez Zygmunta Librowicza. Kraków: G. Gebethner i Spółka., 1884
11. *Leończyk S.*, Polskie karty w historii Minusińska. - Abakan: Żurnalist, 2004.
12. Леончик С.В., Архив семей Войцеховских в Союзе Сибиряков Республики Польша//Мартьяновские краеведческие чтения (1999-2002 гг.) Сборник докладов и сообщений. Выпуск 2. – Абакан, ООО «Фирма «Март», - 2002..
13. *Majdowski A.* Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim. Syberia. Daleki Wschód. Azja Środkowa. – Warszawa: Neriton, 2001.
14. Мулина С.А. Мигранты поневоле. Адаптация мыльных участников польского восстания 1863 года в западной Сибири. – Санкт-Петербург, Алетей, 2012.
15. Новоселова (Кюперская) И., Ссылный поляк Станислав Войский-Кюперский// Rodacy-Соотечественники. – 2014. – №4(64).
16. Полежаева Л. А. Популяризация истории польской диаспоры в Сибири в XIX – начале XX века на страницах полонийного издания «Rodacy-Соотечественники»// Польские ссылные в Сибири во второй половине XVIII - начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири. Сборник научных трудов. – Омск, 2015.
17. Skok H., Polacy nad Wajkałem 1863-1883. – Warszawa 1974.
18. Скоробогатова Н.Н. Воспроизводство и сохранение этноконфессиональных традиций ссылными поляками: на материалах Енисейской губернии// Проблемы российско-польской истории и культурный диалог. Материалы Международной научной конференции (Новосибирск, 23-24 апреля 2013 года). – Новосибирск, 2013.
19. *Скоробогатова Н.Н.* Память сердца хранит дорогие страницы // История и культура поляков в Сибири / Под ред. С.В. Леончика. Красноярск – 2006.
20. Степанов И., Славный путь борьбы и побед //Знамя Ильича. – 1983. – №15.
21. Темерова-Шумиляс О. Поляк из села Восточное// Rodacy-Соотечественники. – 2011. - № 2 (55).
22. Шостакович Б.С. Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.) Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы. – М., МИК, 2015.

23. Флаг Громадского сельсовета. Электронный ресурс <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 23.08.2007).

24. Cwik W., Pięć lat w kraju niewoli. Wspomnienia Sybiraka. Czerniowce – 1893.

Список сокращений

Архив города Минусинска (АГМ)

Архив Минусинского краеведческого музея (АМКМ)

Государственный Архив Иркутской Области (ГАИО)

Государственный архив Красноярского края (ГАКК)

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ)

Национальный Архив Республики Хакасия (НАРХ)

Archiwum Zarządu Głównego Związku Sybiraków w Warszawie (AZGZS)

Archiwum Haliny Wojciechowskiej (АНВ)

УДК 91(с18) (571)(162.1)

С.А. Мулина

Бунт барских конфедератов в Тобольске*

Аннотация. Используя широкий спектр источников, автор реконструирует историю бунта польских конфедератов в Тобольске и сравнивает его с образом, сложившимся в историографии.

Ключевые слова: польская ссылка, барские конфедераты, история Сибири, Кароль Хоецкий, Д.И. Чичерин

S.A. Mulina

Revolt Bara's Confederates in Tobolsk

Summary. The author reconstructs the history of the revolt of the Polish confederates in Tobolsk on the basis of a wide range of sources and compares it with the image of prevailing in historiography.

Keywords: Polish exile, Bara's Confederates, history of Siberia, Karol Hoyetsky, D. I. Chicherin

---

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ: проект № 16-01-00360 «Конфедераты в Сибири: между историей и мифом».